

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОСЕССИВНЫХ СВЯЗЕЙ ДЛЯ ИМЕН, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧАСТИ ТЕЛА, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

“POSSESSIVE ANCHORING” OF RUSSIAN NOUN PHRASES DENOTING BODY PARTS

Брыкина М. М. (m.brykina@gmail.com)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В настоящей работе исследуются посессивные конструкции, обладаемыми в которых являются имена, обозначающие часть тела. Дается характеристика возможных типов посессора; устанавливается зависимость между синтаксической позицией обладаемого имени и возможными при этой позиции типами посессора; составляется иерархия наиболее вероятных посессивных связей для исследуемых имен.

1. Введение. Определение посессивной конструкции и посессивной связи

Настоящая работа посвящена исследованию посессивных конструкций, в которых в качестве обладаемого выступают имена, обозначающие части тела. Понятия посессивности и посессивной конструкции в настоящее время исследованы с различных точек зрения [Payne, Barshi 1999]. Данное исследование выполнено в рамках проекта по изучению посессивных конструкций в русском языке, возглавляемого А. Е. Кибриком. В предыдущих работах нашей группы в фокусе внимание находились факторы, влияющие на выбор говорящим конструкции с внешним или с внутренним посессором. В данной же работе один лексически ограниченный класс посессивных конструкций изучается не с позиций синтеза, а с позиций анализа, для чего нам придется рассмотреть более широкий спектр конструкций.

При определении посессивной конструкции мы будем исходить из того, что базовым для понятия посессивности является понятие когнитивной сопряженности концептов¹. Некоторые концепты, реализующиеся в языке как лексемы, сопряжены онтологически (*дом и крыша*), другие связывает между собой ситуация (*я ударил молотком по столу*) или некоторое отношение (*девочка с косичками*). В языке могут быть непосредственные морфосинтаксические средства для маркирования когнитивной сопряженности между концептами. В русском языке таким средством является атрибутивная синтагма, то есть следующие конструкции:

- генитивная группа (ИГ + ИГ_{род});
- притяжательные, возвратное местоимения + ИГ;
- притяжательные прилагательные;
- ИГ + ПГ (девочка с косичками, книга на полке);
- ИГ + ИГ_{дат} (подарок бабушке).

Отметим, что между двумя именами, входящими в генитивную группу, может иметь место большое количество разных посессивных отношений [Кибрик и др. 2006]. С другой стороны, не любые два объекта, связанных каким-либо отношением, могут составить генитивную группу (*книга на полке*, но **книга полки*, **полка книги*). Таким образом, генитив — это не чисто синтаксический падеж (см. по этому вопросу [Леонтьев, Леонтьева 2006]), в генитивной группе может кодироваться ограниченный круг отношений.

Далее мы будем называть генитивную именную группу и именную группу, включающую притяжательное или возвратное местоимение, базовой посессивной конструкцией (БПК). Посессивным отношением между двумя ИГ мы будем называть отношение, которое возникает в БПК между означаемыми этих ИГ: обладаемым (главным синтаксическим членом БПК) и посессором (зависимым в БПК).

Исходя из предложенного определения посессивного отношения, мы можем определить конструкции с локальным и с дистантным посессором. Конструкции с локальным посессором — это синтаксические конструкции, в которых две именные группы подчинены одна другой в пределах одной предикации (непосредственно или

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80288.

¹ О понятии когнитивной сопряженности см.: Кибрик А.Е. Когнитивная сопряженность и организация языковой структуры // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Том 1. СПб, 2006. С.300; Кибрик А.Е. Проявление когнитивной сопряженности в фактах русского языка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. М., 2007. С.465.

опосредованно) и связаны между собой посессивным отношением. Иными словами, это атрибутивные синтагмы, в которых между референтами ИГ присутствует посессивное отношение. Конструкции с внутренним посессором в их традиционном понимании являются частным случаем конструкций с локальным посессором. Реализации БПК являются конструкциями с локальным посессором по определению. Атрибутивная синтагма *девочка с толстыми косичками* будет являться конструкцией с локальным посессором (потому что можно сказать *толстые косички девочки*), а атрибутивная синтагма *книга на полке* — нет.

Конструкцией с дистантным посессором мы будем называть минимальный неразрывный контекст, в котором между двумя ИГ, не подчиненными одна другой в пределах одной предикации, существует такое же посессивное отношение, которое было бы между ними, если бы они входили в БПК. Другими словами, если для некоторого контекста $K <... X ... Y ...>$ выполняются условия:

- X и Y — ИГ, которые не подчинены одна другой в пределах одной предикации,
- имеет место $X Y-a$ или $Y X-a$,

то контекст K содержит в себе конструкцию с дистантным посессором. Конструкции с внешним посессором (так, как они определяются, например, в [Кибрик и др. 2006]) являются подмножеством конструкций с дистантным посессором.

Объединение множеств конструкций с локальным и дистантным посессором мы будем называть посессивными конструкциями. Посессивная конструкция — это минимальный неразрывный контекст, в котором между двумя ИГ существует посессивное отношение. Эти именные группы можно считать связанными посессивным отношением в рамках посессивной конструкции. Связанность здесь понимается по аналогии с теорией анафоры. Связывание — это «отношение между оператором и переменной, находящейся в сфере его действия. Кореферентность рассматривается как случай связывания, если в роли оператора выступает антецедент, а средством выражения переменной является анафорическое местоимение» [Тестелец, Толдова 1998]. В посессивной конструкции оператором можно считать посессора, а средством выражения переменной — валентность обладаемого на посессора. По-видимому, к посессивным конструкциям сложно в полной мере применить этот аппарат. Одна из причин заключается в том, что в отличие от теории анафоры, где четко известно, что анафорическое местоимение должно быть связано, в отношении посессивности мы не можем точно сказать, что какая-то ИГ а) вообще должна быть связана посессором, б) должна быть связана в некоторой синтаксической области.

Тем не менее, такой подход позволяет поставить задачу установления посессивных связей для именных групп. Практическая любая именная группа имеет валентность на посессора, некоторые — более сильную (=обязательную) (название частей тела), некоторые — более слабую (название абстрактных понятий). Слушающий связывает эти изначально незаполненные валентности в процессе восприятия речи. В конструкциях с локальным посессором валентность на посессора заполняется исходя из синтаксической структуры предложения, в других же случаях слушающий выбирает посессора из множества референтов текста.

Встает вопрос: велико ли пространство выбора, и как именно слушающий связывает валентности имен на посессора? В данной работе мы постараемся ответить на этот вопрос на примере имен, обозначающих части тела². Выбор именно этих имен обусловлен тем, что для них наиболее обязательно заполнение валентности на посессора.

Материалом исследования послужила выборка в 600 примеров с лексемой *'рука'* из Уппсальского корпуса русского языка. Составленный корпус был размечен по следующим параметрам:

- синтаксическая позиция и морфологическое оформление лексемы *'рука'*;
- тип посессора;
- синтаксическая позиция посессора;
- предикат клаузы, в которой употребляется лексема *'рука'*.

После анализа материала корпуса полученные результаты были проверены для лексем *'голова'*, *'глаз'* и *'живот'*³.

Далее будут рассмотрены и кратко охарактеризованы типы посессоров, возможные для имен, обозначающих части тела, установлена зависимость между синтаксической позицией обладаемого имени и возможными при этой позиции типами посессоров и составлена иерархия наиболее вероятных посессоров для имен — частей тела, занимающих произвольную синтаксическую позицию.

2. Типы посессора для имен, обозначающих части тела

Для классификации различных типов посессора можно выделить несколько параметров:

² О выборе посессивной конструкции для имен, обозначающих часть тела, см. также [Мельчук, Иорданская 1995].

³ Возможно, у некоторых частей тела будут определенные особенности в области возможных посессивных связей, но мы здесь этот вопрос не рассматриваем.

2.1. Первый параметр — это наличие посессивной связи. В соответствии с ним выделяются два класса контекстов, в которых могут выступать имена, обозначающие части тела:

2.1.1. Посессор не важен для данного контекста, в котором часть тела рассматривается как независимый и самодостаточный объект (и, соответственно, не входит в посессивную конструкцию). В следующем примере:

(1) Если выстрелить с полуметра по осине, ну, скажем, **в руку** толщиной, осинку эту как бритвой срежет! (Ю. Казаков «Во сне ты горько плакал»)

автору не важен посессор *рук*, здесь мы имеем дело с генерическим употреблением данной лексемы.

2.1.2. Посессор важен для контекста, в котором упоминается некоторая часть тела.

Между обозначенными выше двумя альтернативами оказываются предложения, в которых посессор, с одной стороны, является конкретным лицом или группой лиц, но в то же время остается неизвестным для слушающего (так как сам по себе не является, с точки зрения говорящего, значимым референтом дискурса):

(2) Вышел Игорь на площадку и сделал погоду: привел в порядок уже было запутанные связи между игроками ЦСКА, через лес **рук** протолкнул мяч в линию Рыманову и сам забил три гола. («Советский спорт» 28.06.1988, «Кто делает погоду»)

(3) Ему никак не удавалось остаться с ней наедине, и он ловил ее на улице, но она всегда пронеслась мимо него ветром, мячиком, снежком, пуценым **ловкой рукой**. (Т. Толстая «Петерс»)

2.2. В тех контекстах, где говорящий предполагает установление слушающим посессивной связи для слова, обозначающего часть тела, возможно два случая:

2.2.1. Посессор выражен или восстанавливаем (по синтаксическим правилам) в пределах той же предикации, в которую входит искомая лексема. Не останавливаясь более подробно на понятии восстанавливаемости референта, приведем несколько примеров. ИГ может быть восстановлена:

а) в конструкциях с сочинением предикатов (если она является для них общим актантом и упоминается только при одном из них):

(4) [Она_i подбежала] и [Ø_i обеими руками_[Poss:ij] толкнула его в грудь].

Мы будем считать, что в этом примере посессором для слова 'рука' является субъект предиката 'толкнуть'.

б) в полипредикативных конструкциях с однозначными правилами восстановления референта для подлежащего. В частности, имеется в виду возможность восстановить референта для субъекта деепричастной формы глагола:

(5) В самом темном уголке она_i сидела и плакала, [Ø_i закрыв лицо **руками**_[Poss:ij]]. (В. Каверин «Песочные часы»)

2.2.2. Посессор не выражен в пределах той же предикации. В этом случае посессором является локальная тема эпизода, то есть одна из тем левого контекста из двух-трех предложений и правого контекста из одного предложения. Локальная тема может связывать ИГ, находящуюся практически в любой синтаксической позиции:

(6) «— Не дури». В следующее мгновение боль полоснула **левую руку**. Но взять Гуцина на прием он все же сумел. («Правда», 06.05.1987, «Четвертый удар»)

(7) Здоровой рукой **Мостовой** стянул с себя гимнастерку, еле пролезил через его широкие плечи. Левый рукав бязевой рубашки, черный от крови, лип к **руке**. (Г. Бакланов «Мертвые срама не имут»)

Локальная тема является единственным источником связывания для именных групп вводных предикаций, находящихся вне общей синтаксической структуры предложения:

(8) Вслед ему из землянки выбежал **Серпилин** в одной гимнастерке и, догнав командующего уже у машины, вытянулся — **руку** к шапке — и что-то сказал. (К. Симонов «Солдатами не рождаются»)

2.3. В том случае, когда посессор выражен в пределах той же предикации, в которую входит лексема *рука*, это может быть:

2.3.1. Локальный посессор, а именно:

- притяжательное или возвратное местоимение;
- притяжательное прилагательное;
- имя в генитиве;
- ИГ – вершина комитативной группы⁴:

(9) *В начале двадцатых годов в деревню прислали учителя, бойкого парнишку с покалеченной на польском фронте рукой. (В. Тендряков «Ночь после выпуска»)*

Существует еще один тип приименного (локального) посессора – беспредложный дательный (*подарок бабушке*). Однако этот способ выражения посессора невозможен для обладаемых, обозначающих части тела, поскольку, как показано в работе [Рахилина 2001], такая кодировка посессора используется только в ситуации смены посессора для обозначения последнего, окончательного обладателя передаваемого объекта, а части тела как объекты неотчуждаемой принадлежности не могут появляться в ситуации смены посессора.

Интересно отметить, что конструкции с внутренним посессором составляют лишь 17 % от всех рассмотренных конструкций с лексемой ‘рука’ (при том, что в общем корпусе для внешнего посессора в русском языке доля конструкций с внутренним посессором составляет 85 %). Что касается дискурсивных характеристик конструкций с внутренним посессором, то обладаемое чаще всего бывает определенным, а посессор имеет высокий статус на шкале топикальности [Lander 2004].

2.3.2. Актант предиката:

(10) *Шофер даже не мог вытереться: его все еще держали за руки. (Г. Бакланов «Карпунин»)*

В единственном встретившемся примере, в котором посессор лексемы *рука* находится на синтаксической периферии, его употребление в этой позиции можно объяснить тем, что это употребление является косвенным упоминанием референта, являющегося темой соответствующего эпизода дискурса:

(11) *В трудную минуту жизни Павлов убедился, что не совершил ошибки в то, уже далекое утро, когда по одному движению **круглых, сильных рук**, медленно всплывшим к тяжелым волосам, угадал спасительную мощь **будущей своей спутницы** на радость и горе. **Жена** все приняла на себя. (Ю. Нагибин «Зеленая птица с красной головой»)*

2.3.3. Внешний посессор: предложная группа с предлогом ‘у’, именная группа в дательном падеже, предложная группа с предлогом ‘к’.

У конструкции “у + ИГ_{Ген}” есть два полюса значений, локативное и посессивное, каждое из которых вносит свой вклад в семантику этой конструкции, которую можно в общем виде можно сформулировать следующим образом: “у X-а” значит “в жизненной сфере X-а”. Дискурсивную специфику этой конструкции чаще всего связывают с топикализацией посессора [Velázquez-Castillo 1996; Кибрик 2003]. Данная предложная группа может быть посессором для подлежащего, прямого дополнения, а также для локативной или элативной предложной группы:

(12) ***Руки у нее** были в красноватых трещинах и землистых пятнах... (Г. Троепольский «Белый Бим Черное ухо»)*

(13) *Я наклонился, целуя, по русскому, довольно-таки нелепому обычаю, **руку у дамы**... (А. Куприн «Колесо времени»)*

(14) *...которая рассказывает кому-то, что пульс Льва Сергеевича остановился **у нее под рукой**. (В. Каверин «Силуэт на стекле»)*

(15) *...и кривоножка от напряжения сама собой вываливалась **у нее из рук**. (Н. Шмелев, «Последний этаж»)*

⁴ В последней конструкции с внутренним посессором, в отличие от перечисленных выше, посессор является главным членом ИГ, а обладаемое – зависимым.

Основная функция конструкции с именной группой в дательном падеже – повышение коммуникативного статуса possessора, которое становится необходимым потому, что possessор оказывается, часто (но не всегда) помимо своей воли, затронут ситуацией, организатором которой в большинстве случаев не является. Иногда эту функцию датива обозначают как “дательный интереса”. Хаспельмат [Haspelmath 1999: 130] рассматривает положение этого значения на семантической карте и отмечает его близость таким значениям, как адресат и бенефактив.

В общем случае именная группа в дативе может быть possessором для объекта, занимающего позицию подлежащего. Этому объекту дается некоторая характеристика, которая определяет состояние всего possessора в некотором мире:

(16) *И где ему будет житуха лучше — тут ли, там — неведомо. (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»)*

Однако для исследуемого типа лексем такие употребления пока не зафиксированы и кажутся маловероятными.

При предикатах, обозначающих воздействие на объект, именная группа в дательном падеже обозначает possessора прямого дополнения:

(17) *Однажды она действительно прикусила ему руку до крови... (Н. Шмелев «Презумпция невиновности»)*

Е. В. Рахилина в своей работе [Рахилина 1982] подробно разбирает такие конструкции и выделяет четыре класса предикатов, в которых possessор прямого дополнения не может выражаться дативом (это глаголы психической каузации, глаголы адресации, глаголы восприятия и глаголы приобретения).

И, наконец, именная группа в дательном падеже может относиться и к актанту или сирконстанту, который является предложной группой с лативным значением:

(18) *Баградзе совал ему в руки автоматный диск.*

При лативном актанте/сирконстанте possessор может быть выражен предложной группой с предлогом ‘к’. Однако, в отличие от случая с possessором в дативе, в этой конструкции не происходит повышения коммуникативного статуса possessора. Possessor здесь является объектом движения, поэтому эта конструкция используется при глаголах передвижения или перемещения объекта в пространстве:

(19) *Котенок забрался к ней на руки.*

3. Классификация возможных позиций possessора для имен, обозначающих часть тела

На выбор одного из выделенных типов possessора в конкретной ситуации влияют следующие факторы:

- одушевленность потенциального possessора;
- синтаксическая позиция обладаемого и, в некоторых случаях, его семантическая роль;
- семантика главного предиката;
- способ выражения потенциального possessора;
- дискурсивный статус потенциального possessора.

Рассмотрим далее, какие типы possessора возможны для различных синтаксических способов оформления имени, обозначающего часть тела⁵. Отметим сразу, что во всех случаях очевидным образом возможен и наиболее приоритетен локальный possessор, поэтому он ниже учитываться не будет.

1. Позиция подлежащего. В этом случае possessором может быть ПГ “у + ИГ_{Ген}” (12) или локальная тема эпизода:

(20) *Что-то Чижегов позабыл, журнал, что ли, вернулся и издали увидел, как она сидит на поваленном бревне, где он оставил ее, опустив голову, руки сцеплены. (Д. Гранин «Дождь в чужом городе»)*

⁵ За рамками данного исследования остались контексты, в которых лексема рука является составной частью идиомы (быть не с руки, узнавать из первых рук, из рук вон плохо, делать что-либо на скорую руку и проч..).

2. Позиция прямого дополнения. В этом случае возможен внешний посессор (13, 17) или посессор, являющийся локальной темой эпизода (6) или субъектом предиката:

(21) *Он протянул другу руку.*

3. Позиция предиката. В этой позиции посессором может быть только подлежащее:

(22) *Он — без рук.*

4. Именная группа в творительном падеже. Эта синтаксическая позиция встречается в подавляющем большинстве случаев при предикатах совершения какого-либо действия с помощью определенных частей тела, и посессором в данном случае может быть только субъект предиката:

(23) *Он растерянно помотал головой.*

5. Позиция актантной предложной группы. В этом случае на направление посессивной связи может накладываться ограничение главный предикат (посессором в таком случае будет подлежащее или прямое дополнение). Например, при переходных предикатах типа 'взять', 'схватить' для имен, обозначающих части тела, входящих в ПГ 'за + ИГ_{Вин}', посессором будет прямое дополнение, а для имен, входящих в ПГ 'в + ИГ_{Вин}', — подлежащее ('он_i взял котенка_j за лапу_[Poss:j]'; 'он_i взял котенка_j в руки_[Poss:i]').

Если предикат не накладывает специальных ограничений, то возможны конструкции с внешним посессором (для локативных и иллативных предложных групп, примеры 15, 18) или посессором могут быть ПГ с предлогом 'к' (19), подлежащее, локальная тема.

6. Позиция сирконстантной предложной группы или зависимого в именной группе. Посессором в этом случае может быть подлежащее или локальная тема эпизода (7, 11).

4. Заключение

Нами были рассмотрены типы посессивных конструкций, в которых лексемы, обозначающие часть тела, могут участвовать в качестве обладаемого. Исходной предпосылкой при этом служила гипотеза о том, что посессивные связи представляют собой анафорических связей и могут быть описаны через понятие связывания оператора (посессора) и переменной (валентности потенциального обладаемого на посессора).

Несмотря на разнообразие возможных направлений посессивных связей, представляется возможным составить общую «иерархию» потенциальных посессоров (некоторые из которых могут быть нерелевантны для определенных контекстов, что, однако, не нарушает общую стратегию «поиска» посессора) для имен, обозначающих части тела, в русском языке. В качестве посессора из множества референтов контекста выбирается тот, который в данной иерархии располагается выше:

- локальный посессор;
- актант предиката, если предикат накладывает ограничения на посессивные связи между своими актантами;
- внешний посессор;
- субъект предиката;
- референт, являющийся локальной темой (чаще всего это подлежащее предыдущей предикации).

В ряде случаев между двумя последними позициями иерархии может возникать конфликт, который разрешается слушающим за счет знаний о мире. В следующем предложении:

(24) *А теперь Леночка_i была в легком летнем платье, с открытыми руками, и он_j принуждал себя оставать спокойным, глядя на крепкие загорелые руки_{Poss:i, *j} на молодую грудь, поднимавшуюся и опускавшуюся под тонкой материей. (В. Кавернин «Двухчасовая прогулка»)*

языковые факторы позволяют установить посессивную связь с двумя референтами *i* и *j*, в действительности же возможна только одна посессивная связь *i*.

Список литературы

1. Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. *Константы и переменные языка*. СанктПетербург: Алетейя, 2003. С.307-319.

2. Кибрик А. Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // *Вопросы языкознания*. М.: 2006. №1. С.16-45.
3. Леонтьев А.П., Леонтьева А.Л. Еще раз к вопросу о семантике генитивных отношений // *Труды международной конференции «Диалог '2006»*. М.: 2006.
4. Мельчук И.А., Иорданская Л.Н. Glaza Mashī golubye vs. Glaza y Mashī golubye: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts // И.А. Мельчук. Русский язык в модели “Смысл <=> текст”. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С.135-165.
5. Рахилина Е.В. Показатели посессивности и их функции в русском языке // С. А. Шубик (ред.) *Исследования по языкознанию*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. С.196-207.
6. Рахилина Е.В. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный) // *Научно-техническая информация*. М.: 1982. Серия 2, №2. С.24-30.
7. Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // *Вопросы языкознания*. М.:1998. №4. С.35-57.
8. Haspelmath M. External Possession in a European Areal Perspective // Payne D. L., Barshi I. (eds.) *External Possessor*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999. pp.109-135.
9. Lander Yury A. Dealing with Relevant Possessors // *Possessives and Beyond: Semantics and Beyond*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. pp.309-336.
10. Payne D.L., Barshi I. (eds.) *External Possessor*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999.
11. Shibatani M. An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives // *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California: 1994. pp.461-487.
12. Velázquez-Castillo M. The Grammar of Possession. Inalienability, Incorporation and Possessor Ascension in Guaraní // *Studies in Language Companion Series*. 33. Amsterdam/Philadelphia: 1996.